

З. Н. ГИППИУС

О молодых и средних

<...> ...Одну черту русского духа, с частой яркостью в нашей литературе отраженную (в лесковском «Памве смиренном», например), я хочу отметить.

Ею определяется иногда весь облик писателя или его облик известного периода — данная книга.

Затрудняюсь дать имя этому душевному свойству: все названия будут неточны.

Что это — фатализм? Высшая покорность? «Радость страдания», доходящая до экстатической любви к терзателям, жертвенный порыв, мазохизм?

Пожалуй, «мазохизм» — слово наиболее точное, но употреблять мы его будем не в осудительном смысле. Мазохизм, как я его беру, черта русского, по преимуществу, духа, и сама по себе еще не отрицательная.

Вот последняя книга М. Волошина — «Стихи»¹. Стихи прекрасные, и удивительно воплощают они дух героического мазохизма. Ни слепоты, ни закрыванья глаз: с четкостью реалиста не «утопического», а настоящего дает Волошин образы Смерти, не боится никаких слов, описывая «бред разведок, ужас чрезвычайек», находит чутко соответственные ритмы, отбрасывая рифму, где она не нужна.

И стихи волевые: Волошин не идет — он бросается навстречу «апокалипсическому зверю», прямо в его «зияющую пасть»; можно сказать — прет на рожон, все равно какой. Он кричит: «Господи, вот плоть моя!»² — и, конечно, зовет всех броситься в ту же «пасть».

Вот что он пишет «перед приходом советской власти в Крым»³ — в Крыму.

Бей в лицо и режь нам грудь ножами.
Жги войной, усобьем, мятежами...

.....

Нам ли весить замысел Господний?

Все пойдем, все вынесем, любя —

Жгучий ветер полярной Преисподней, —

Божий Бич, — приветствую тебя!⁴

Своеобразный привет! Такой же посылал архиерей Лу — Аттиле⁵. Лу — «святой». А сколько русских Лу, святых именно этой святостью! Волошин сумел найти для мазохистической святости художественное воплощение; я знаю другого поэта в России, которого, по первым книгам, я считал талантливее Волошина. Он не воспел мазохизма, — потому, может быть, что давно из поэта стал священником. Но и он громко зовет «целовать следы ног Ленина, давшего нам такие муки», то есть давшего возможность сделаться мазохистскими «святыми».

Оставим пока в стороне святость; но думаю, что ей, как и мазохистическому художественному творчеству, положен предел.

Возьмите книжку Волошина. Читайте внимательно, одно за другим, его искусные, разнообразно построенные стихотворения. Меняется ритм, но не звук голоса. Напряжение и жертва, — на каждой странице совершаемая и никогда не довершенная, — начинают раздражать. Мало-помалу с порыва, переведенного в длень, совлекаются красивые одежды. И соблазн кончен. В голой самодовлеющей жертве, в человеке, самоупоенно кидающемся в «пасть», в отказе его от борьбы, то есть жизни, мы уже ясно видим ложь. И делается странно, что нас могла влечь поверхностная красивость этих ритмичных воплений.

Так разлагается, под чуть внимательным взором, мазохизм героический. Но то же происходит и с мазохизмом другого оттенка — нежным, жертвенно-женственным.

Очерки Б. Зайцева, его последняя книга («Улица Св. Николая») — вот этот женственный мазохизм.

<...>

Вместе... но вот черта их разделяющая. Волошин говорит: «...стою меж них (меж борющихся) в ревущем пламени и дыме,

И всеми силами моими
Молюсь за тех и за других»⁶.

Безумная молитва, абсурдная молитва, от нее отвращается простое, не мазохистичное, сердце человеческое. Но у Волошина она искренна. Он — молится. И Зайцев молится — благословеньем, издалека, и тех и других.

Герой «Коня» («Коня вороного» Ропшина — *сост.*) не молится, а судит «тех и других». Не благословляет, а прокликает. <...>

<1924>

